

районам, где «потребуется еще много усилий, времени и средств для улучшения культурно-бытовых условий жизни на селе, для преодоления существенных различий между городом и деревней»²⁷. Поскольку большинство киргизов живут в селах, то совершенствование культурно-бытовых условий их жизни будет означать удовлетворение интересов нации в целом. Как отмечал Ю. В. Андропов на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, понятие «повышение уровня жизни» включает «...и полноценное с нравственно-эстетической точки зрения использование свободного времени»²⁸. И здесь, в сельской местности, огромная роль принадлежит культурным учреждениям.

²⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 53.

²⁸ Андропов Ю. В. Речь на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г. — Коммунист, 1983, № 9, с. 9.

В. Б. Виноградов, Д. Ю. Чахкиев

НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА ВАЙНАХОВ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Позднее средневековье (XIII—XVIII вв.) у вайнахов (чеченцев и ингушей) наполнено драматическими событиями: монгольское нашествие, бесчинство войск Тимура, внутренние междоусобицы, агрессивные походы Османской Турции и Ирана — все это делало крайне напряженной жизнь горца¹. Немыми свидетелями той суровой и опасной жизни и сейчас остаются мощные башенные фортификационные сооружения, нередко стоящие на головокружительной высоте в ущельях гор или в узких стремнинах рек и служившие не только местом жительства горцев, но и надежным убежищем для них².

До настоящего времени вопросы тактики осады и обороны этих построек в отдельных исследованиях лишь затрагивались³. В данной статье мы попытаемся суммировать и охарактеризовать те основные тактические принципы осады и обороны башенных укреплений, которые были характерны для горцев Чечено-Ингушетии в позднесредневековый период, привлекая для этого материалы наших полевых исследований в горной части края за 1975—1981 гг. и другие сведения по данной теме⁴.

Большинство походов и набегов с целью захвата скота и пленников, боевые акции внутренних междоусобиц совершались у вайнахов преимущественно

¹ Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе. — Вопросы истории. М.: Правда, 1981, № 1.

² Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.

³ Шеблыкин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. — Изв. Ингушского научно-исслед. ин-та краеведения, в. 1. Владикавказ, 1928; Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1963; Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М.: Наука, 1966. Ошаев Х. Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою. — Кавк. этногр. сборник (далее КЭС), т. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1968. См. также в этом сборнике: Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей; Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971; Гольдштейн А. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975; его же. Планировка и фортификация горных селений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XV—XVIII вв. — Архитектурное наследство. М.: Стройиздат, 1976, № 25; Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне по материалам исследований 1957—1965 гг. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980; и др.

⁴ Из-за малочисленности исходных данных авторы пока не касаются таких вопросов, как боевые порядки, виды маневра и боевое обеспечение осаждающих и обороняющихся.

щественно некрупными воинскими отрядами, которые внезапным ударом должны были захватить башенный поселок или группу таковых врасплох. Если внезапное нападение должного результата не давало, воинский отряд мог принудить к сдаче конкретный мелкий поселок с немногочисленным гарнизоном, даже цепь подобных укреплений военной силой, что засвидетельствовано в документальных материалах и фольклорных произведениях⁵. Однако крупные башенные поселки (типа вайнахских Эрзи, Таргим, Фарскалой, Кезеной, Пого и другие), обладавшие сложными и сильными оборонительными сооружениями и значительным контингентом боеспособного населения, внезапным набегом захватить было сложно. Поэтому одну из причин образования крупных башенных поселков мы склонны видеть в стремлении противостоять вражеским набегам совместными усилиями односельчан. Это, видимо, произошло не ранее XVI—XVIII вв., в период наивысшего развития башенного зодчества. Создание такого рода башенных поселков серьезно ограничило применение традиционного и эффективного приема «срезания» отдельно стоящих башен посредством выбивания их угловых камней (подкоп под угол)⁶.

Более полны наши представления о способах обороны башенных комплексов.

Вплоть до XIII в. основным принципом организации обороны поселений в горной части Чечено-Ингушетии (Киралт, Цеча-Ахк и др.) было использование рельефа и лишь в самых необходимых случаях незначительное изменение и приспособление его к нуждам обороны: подрезка склонов для придания им большей крутизны, углубление оврагов и превращение их во рвы и т. д. Искусственные сооружения (имеются в виду каменные прототипы башен) играли здесь второстепенную роль, преимущественно пассивную, в отличие, например, от укрепленных стенами и валами многих северокавказских раннесредневековых городищ и мощных крепостей (Дербент, Урцеки, Тарки, Верхний Чирюрт, Андреяул, многочисленные аланские городища, византийские крепости на Тамани, Никопсия и др.). Такое ограничение средств обороны, преимущественно естественными преградами свидетельствует как о малых возможностях строителей укреплений, так и том, что данные поселения не были предназначены для обороны от противника, имевшего осадные средства и обладавшего разработанной тактикой штурма укреплений⁷.

В XIII—XIV вв., в период напряженной внешней и внутренней обстановки на Кавказе, начинается массовое строительство башен в горах, когда каждое поселение превращалось в крепость⁸. Стремление усилить обороноспособность последних вело в это время к дальнейшему росту значения естественных оборонительных рубежей и строительству каменных (жилых, полубоевых и боевых) башен. Сооружение башенных построек принципиально усиливало не только пассивные защитные качества поселений. Высоко поднимаясь над поселком, башни давали защитникам возможность более прицельно вести стрельбу по осаждавшим, находясь в большей или меньшей безопасности⁹.

⁵ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI—30-е годы XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 240—241; Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I—XV вв. н. э. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1961; Дахильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1978.

⁶ Ошаев Х. Д. Указ. раб., с. 120—121.

⁷ В горной части Чечено-Ингушетии не зафиксированы такие активные средства осады, как штурмовые лестницы, зажигательные стрелы и керамические бомбы, направленные нефтью, а также стенобитные устройства, которые использовались в военной практике в ряде других районов Северного Кавказа в I и начале II тысячелетия н. э.

⁸ Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа.— Изв. Северо-Кавк. научного центра высш. школы. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1977, № 1, с. 65 и др.

⁹ Раппопорт Ю. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— Материалы и исслед. по арх. СССР, № 52. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Оборонительные сооружения воздвигались для защиты поселений, но сам выбор места для них не мог целиком зависеть только от тактических и стратегических требований военной ситуации, так как огромную роль здесь играли и экономические требования, связанные с жизнью поселения. Незначительные масштабы приусадебных участков определяли скудность башенных комплексов, что было бесполезно и для укрепления общей обороны.

«Межтайповая»¹⁰ вражда и межплеменные распри привели к образованию укрепленного поселения, расположенного по хребтам и горным отрогам, на довольно большой высоте, скученного и состоящего из отдельных жилых комплексов, включавших в себя и хозяйственные, и жилые, и оборонительные функции»¹¹. Воздвигаемые первопоселенцами, башенные постройки имели самостоятельное значение. Но угроза нападения со стороны внешнего врага заставляла располагать комплексы с учетом возможного обеспечения взаимной помощи¹². Именно подобное явление можно наблюдать в башенных поселках горной Чечено-Ингушетии.

Башни внутри поселка строились отдельными семьями. Потребность быстро укрыться при неожиданном нападении кровников и других врагов заставляла строить эти башни рядом с домом и при этом мириться с наличием рядом с ними мертвых пространств и скрытых подступов. Скрытые подступы к семейным башням для осажденных были неизбежным злом. Поэтому потребности общественной обороны села порождали не беспорядочное скопление башен между домами, а сооружение их на подступах к аулу, а также и на господствующих и труднодоступных высотах с хорошими условиями для обзора, обстрела и связи — зрительной и огневой — с другими опорными позициями обычно продуманной системы обороны.

При выборе места для башенного поселка важное значение имели горные дороги, ущелья рек и перевалы. С. Ц. Умаров подразделяет башенные поселки горной Чечни по фортификационно-топографическим особенностям на 3 группы. В первую группу входят небольшие поселения, расположенные на гребнях водоразделов и мысов, по краям высоких берегов рек (Харачой, Кирда и др.). Ко второй относится поселения, расположенные в неприступных скальных навесах-карнизах и расщелинах обрывов (Мизиркала, Туркала, Итиркала и другие). Самая многочисленная группа — третья. В нее входят башенные поселки, находящиеся в широких долинах рек. Эти поселения, как правило, обширны (Барха, Моцарой, Канахой, Хайбахой и др.)¹³. Принимая в общем данную классификацию для всей горной зоны края, следует отметить следующее: в основном башенные поселки (кроме второй группы) расположены так, чтобы с трех сторон их защищали естественные преграды — крутые и обрывистые склоны, реки, ручьи, скальные массивы и пр. С четвертой, доступной стороны, возводились наиболее мощные оборонительные каменные сооружения (Коротх, Белхан, Цой-Педе, Гарак, Эрзи и др.): боевые или полубоевые башни, заградительные стены, а также иные искусственные препятствия. В тех случаях, когда башенные постройки возводились на менее защищенном естественными преградами участке местности, то прибегали к опоясыванию поселения заградительной каменной стеной, земляным валом и рвом. Так, например, защищен близ сел. Харпе в горной Ингушетии небольшой замковый комплекс фамилии Дударовых. Он состоит из боевой и двух жилых башен,

¹⁰ *Тайпа* (из арабск. яз. — *таифа* — племя) — в чеченском и ингушском языках обозначает различные родственные и территориальные объединения: фамилию, поселение, группу сел и т. д. В кавказоведческой литературе XIX—XX вв. этот термин используется в таких же значениях. В полной мере вопрос о тайпах не исследован (см. *Мамакаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1973*).

¹¹ *Робакидзе А. И. Жилища и поселения...*, с. 98.

¹² Там же, с. 92.

¹³ См.: *Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни (XIII—XVII вв.) Автореф. канд. дисс. М., 1970, с. 15—16.*

окружен рвом и валом, на котором, судя по кладке, была некогда заградительная каменная стена. Ров, очевидно, заполнялся водой из речки, протекавшей рядом¹⁴. В чеченском горном поселке Кебасой боевую башню с двух сторон, менее защищенных естественными условиями, охватывают ров и вал.

По своим военно-оборонительным качествам вайнахские жилые башни (*гIала*) заметно различались. Одни, имея только два этажа, сравнительно большие окна и дверные проемы на первом и втором этажах, представляли собой жилой замкнутый дом. Эти башни, очевидно, более поздние, их строили, когда уменьшилась и совсем исчезла постоянная военная опасность. Иногда в комплексе с такими домами устраивалась специальная боевая или полубоевая башня. Жилые башни другого типа — это настоящие дома-крепости в 3—4 этажа, с входом на второй этаж, редкими и маленькими окнами, машикулями (каменные балкончики) и бойницами¹⁵.

Жилые башни были неплохо приспособлены для обороны. В стенах верхних этажей сделаны бойницы с небольшими нишами и отверстиями (от 1-го до 3-х), которые имеют наклон вниз и направлены в разные стороны, защищая подступы к башне с наиболее уязвимой стороны. Расположены бойницы в основном примерно в метре от поверхности пола и хорошо приспособлены для ведения стрельбы только из ручного огнестрельного оружия.

Целям активной обороны служил преимущественно верхний этаж, где на плоской кровле укладывались большие камни, представлявшие собой как бы продолжение стен. Эти камни в момент штурма сбрасывались на осаждающих (рис. 1). С боевой площадки метали стрелы, камни, копья, дротики. Кроме того, из специального котла лили на штурмующих кипящую воду, смолу и серу.

Дверные проемы составляли важнейшие участки обороны башенных сооружений, так как именно к ним в первую очередь устремлялись штурмующие и около них сосредотачивалась основная масса защитников. В обстановке постоянных военных набегов и столкновений, дверной проем устраивался на высоте 3—4 м от основания стены и вел на второй этаж.

В результате новейших полевых исследований стало известно множество башен жилого типа с входными проемами, располагавшимися под защитой специально сооружаемых в верхней части башен каменных балкончиков — машикулей; в таких башнях не было центральной опорной каменной колонны. Интересно, что в некоторых поселках, например, Хамхи, Гимрой почти все жилые башни имеют подобные машикули. В специальной литературе такие башни именуются полубоевыми, хотя генезис их далеко еще не ясен (рис. 2)¹⁶.

Именно подобную башню было наиболее трудно захватить внезапным ударом, так как повседневно функционировали все ее помещения, и она обладала хорошими защитными средствами¹⁷. Дверные проемы второго этажа контролировались с помощью каменных машикулей, расположенных в верхней части стен. В горночеченском селе Нижний Кей находится полубоевая башня, под машикулями которой и сейчас фиксируются следы серы, которую лили некогда ее защитники на головы осаждавших (рис. 3). Эта башня интересна еще и тем, что ее дверные проемы в одной из стен контролировались одновременно с трех машикулей. С них можно было наблюдать не только за подступами к дверным проемам, но и к основанию башни. С верхней боевой площадки башни с большим успехом, чем в жилых башнях, имела возможность обстрела противника. Бойницы с небольшими отверстиями, расположенные в стенах, были хорошо приспособлены для

¹⁴ Замок осмотрен авторами в 1977 году. См. также: *Щеблыкин И. П. Искусство ингушей...*, с. 287—288.

¹⁵ См.: *Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество...*, с. 15.

¹⁶ *Марковин В. И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры.* — *Архитектурное наследие*, № 23. М.: Стройиздат, 1975.

¹⁷ *Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество...*, с. 18.

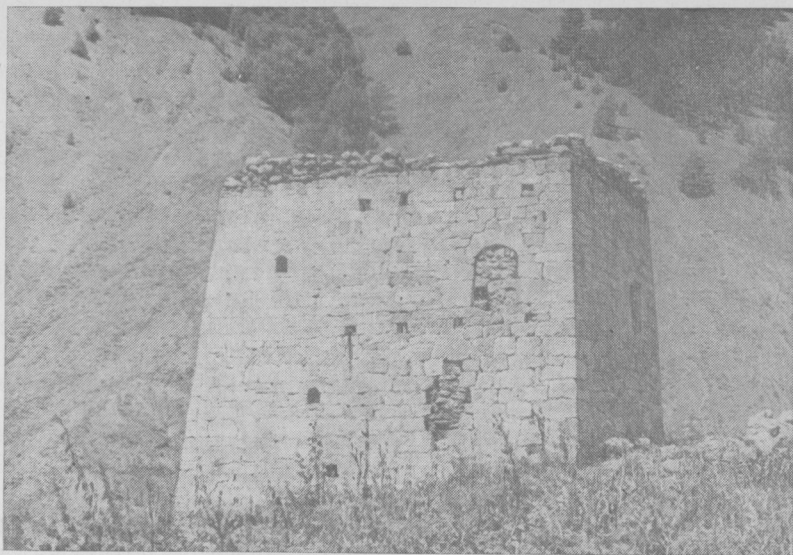


Рис. 1. Жилая башня с парапетом в сел. Цори

стрельбы (как и в жилых башнях), но только из ручного огнестрельного оружия. Интересно заметить, что полубоевые башни отмечены чаще всего в довольно крупных башенных поселках. В Ингушетии это, например, Хамхи, Эгикал, Оздик, в Чечне — Нижний Кей и др. Порой они возводились в местах, наиболее важных с точки зрения обороны местных горских обществ.

В качестве примера можно привести известную башню в теснине р. Чанты-Аргун у с. Ушкалой (рис. 4). Она возведена в неприступной сегодня выемке скалы и на этом основании отнесена В. И. Марковиным к типу жилых башен, игравших специфическую роль убежищ¹⁸. Однако, по нашему мнению, эта башня являлась опорным оборонительным узлом в небольшой группе каменных жилых построек на древней дороге вверх по правому берегу Чанты-Аргуна из Чечни в Грузию, располагаясь на исторической южной границе «Шибутского джамаата» XVI—XVII вв.¹⁹ Пятиэтажная башня имела дверной и оконный проемы, бойницу на северной (тыловой) стене. Западная стена, с которой контролируется обход вокруг башни, имеет семь точек (6 бойниц и один небольшой оконный проем) для стрельбы и обзора. Наиболее же подготовлена к отражению нападения южная стена, на которой кроме оконного проема на верхнем этаже есть еще семь бойниц, а также и машикуль. На этой стене хорошо виден пролом, сделанный в «мертвой зоне», у скалы, — вероятный след победного штурма.

Боевые башни Чечни (*блов*) и Ингушетии (*влов*) были лучше всех иных приспособлены для обороны поселка (рис. 5—7)²⁰. Они были высокими (до 30 м), что давало возможность вести с них круговой обстрел. Стрельба с высоты уменьшает мертвые, непростреливаемые пространства, а также позволяет увеличить дальность обстрела. Эти преимущества, в особенности при наличии нескольких видов лучного, а позд-

¹⁸ Марковин В. И. Памятники зодчества..., с. 196—199.

¹⁹ Кушева Е. Н., Усманов М. Н. К вопросу об общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу). — Сов. этнография, 1978, № 6, с. 90—110.

²⁰ Мы не разделяем утверждение А. И. Робакидзе о наличии в Чечне общесельских оборонительных и сторожевых башен см.: Робакидзе А. И. Указ. раб., с. 73. Пока в горной Чечне не зафиксирована ни одна боевая башня, вблизи которой не были бы отмечены следы жилых сооружений. К тому же все известные здесь боевые башни связываются с именами отдельных владельцев или с названиями родственных групп (*некги*) (см. об этом подробнее: Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Очерки этнографии горной Ингушетии. — В кн.: Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. 10. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1976, с. 345).

нее и ручного огнестрельного оружия, свидетельствуют об активизации обороны укреплений.

Для ведения стрельбы более всего предназначался верхний этаж, где у стрельчатых боевых проемов или зубцов, обращенных на все четыре стороны, располагались во весь рост четыре (а у башен с зубцами — 4—8) защитника и держали под прицельным обстрелом дальние и ближние подступы к жилому комплексу. При этом в основном применялись луки больших размеров, обладавшие огромной силой²¹. Стрельба велась поверх машикуля-балкончика, который защищал нижнюю часть боевого проема и почти наполовину тело воина. Высокие боевые башни давали защитникам ряд преимуществ. Так, пущенная нападающим стрела по закону тяготения значительно теряла свою убийственную силу в полете вверх на 20—25 м и поэтому представляла меньшую опасность, чем стрела, пущенная защитником вниз, получавшая дополнительное ускорение²².

При выстреле сверху увеличивалась и дальность обстрела. Стрелку на верхнем этаже башни помогал каменный машикуль, на который можно было опереться коленом или локтем и стрелять даже вдоль стены.

Когда же враги непосредственно подступали к стенам боевой башни и пытались проникнуть во внутрь через дверной проем, ведущий на второй этаж, или же с помощью подкопа свалить башню, то из машикулей на осаждавших бросали камни, лили кипящую воду, смолу и серу (машикули не имели дна в нижней части). Следы применения серы против осаждавших и сейчас можно видеть на стенах боевой башни близ чеченского сел. Шунды. А на верхней площадке боевой башни в селе Мецхал в горной Ингушетии до недавнего времени находился специально предназначенный для подогрева воды, серы или смолы большой металлический котел²³.

В передней стенке машикуля находится от 2-х до 6-ти небольших отверстий, направленных в разные стороны. Первоначально, они, очевидно, служили в качестве смотровых щелей, а с появлением огнестрельного оружия их успешно использовали и для навесной стрельбы. При этом воин находился под прикрытием машикуля-балкончика и успешно мог вести стрельбу в согнутом положении, с колена или даже лежа. Под наблюдением и защитой машикуля часто находились, кроме дверного проема, и наблюдательные, световые окна, также расположенные по одной средней линии стены боевой башни. Поэтому, думаем, нельзя согласиться с мнением А. Ф. Гольдштейна, считающего машикуль преимущественно декоративным элементом²⁴.

Следует также отметить, что с наиболее уязвимой для обстрела наступающих сторон верхние боевые проемы боевых башен имеют меньшие размеры как в ширину, так и в высоту, чем остальные. Так, например, в сел. Эрзи это наблюдается у боевых башен с севера и востока, от-



Рис. 2. Полубоевая башня в поселке Эгикал

²¹ Чаще при обороне башенных построек использовался лук для метания камней. Следует упомянуть, что луное оружие вайнахи применяли наряду с огнестрельным даже в первой трети XIX в.

²² Ошаев Х. Д. Указ. раб., с. 120.

²³ См.: Щелыкин И. П. Указ. раб., с. 286.

²⁴ См.: Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 36.



Рис. 3. Следы серы на стене у полубоевой башни в сел. Нижний Кей

куда чаще всего приходили враги. В тех же случаях, когда с одной или двух сторон к боевой башне практически невозможно было подойти (непреодолимые естественные или искусственные препятствия), то иногда в стенах башни, обращенных к ним, машикули не сооружались (башни в селах Пого, Кебасой, Меше и др.).

Интересны машикули боевой башни с пирамидальным покрытием в крупном чеченском поселке Пого. На западной стене, обращенной к соседним башенным комплексам поселка, находится глухой (без боевого проема) каменный машикуль треугольной формы. В южной стене башни расположен машикуль с боевым проемом, прикрытый со стороны иных башенных сооружений поселка каменной стенкой²⁵. Все это, вероятно, сделано для того, чтобы защитники боевой башни находились в безопасности и были недосыгаемы обстрелу не только со стороны внешнего врага, но и соседей-односельчан, с которыми, судя по бытующим преданиям, они постоянно враждовали.

М. Б. Мужухоев отмечает, что башни с пирамидальным покрытием большей частью находятся в местах сравнительно доступных, а плоскокровельные — в труднодоступных. Исходя из этого, он обосновывает само различие типов боевых башен тем, что на участках довольно доступных требовалось возводить башни с более высокими фортификационными возможностями²⁶. Последнее, безусловно, верно. Однако, на наш взгляд, перспективнее утверждение А. Ф. Гольдштейна, что «легко доступные участки (в долинах рек, на пологих склонах гор) были и более плодородными, следовательно, владельцы их были экономически более состоятельными, чем те, кто жил на труднодоступных скальных взгорьях, и могли позволить себе оплатить строительство лучшей башни»²⁷. Поэтому, вероятно, боевые башни с пирамидальной кровлей встречаются часто и на взгорьях (Тумгой, Цекалой, Коротх и др.), а плоскокровельные — на легко доступных участках (Хайбахой, Шатой, Лежги, Морч и другие).

Кверху боевые башни, как и полубоевые, значительно суживаются, что давало возможность осажденным сбрасывать вниз камни, которые

²⁵ См. рисунок верхней части боевой башни из поселка Пого в кн.: Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 46, рис. 38.

²⁶ См.: Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII—XVII вв. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1977, с. 23—32 и сл.

²⁷ Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 42.

ударяясь о стену, отскакивали рекошетом и эффективно поражали противника в неподвижных для них местах²⁸.

В поселках, где находилось несколько боевых башен, принадлежавших представителям различных тайпов (Эрзи, Таргим и другие) или же враждующим семьям одного тайпа, например, Вовнушки, боевые башни воздвигались так, чтобы с верхней площадки одной из них было трудно или вообще невозможно держать под обстрелом верхние проемы или площадку расположенной рядом башни. Для этого боевые башни обращались друг к другу лишь углами стен. Первопоселенцы, занимавшие главенствующее положение в многобашенных поселках, строго следили, чтобы их соседи вообще не сооружали боевые башни. Если сохранить свою исключительность не удавалось, они стремились к тому, чтобы возводимая боевая башня не превосходила по высоте принадлежавшей им башенной боевой постройки. С. Ц. Умаров привел яркое предание о трагически завершившейся в сел. Эрзи попытке нарушить данный запрет²⁹. В тех же случаях, когда соседям все же удавалось соорудить большую по высоте боевую башню, они постепенно начинали занимать главенствующее положение в поселке. Последнее хорошо прослежено, например, в ингушском сел. Вовнушки³⁰.

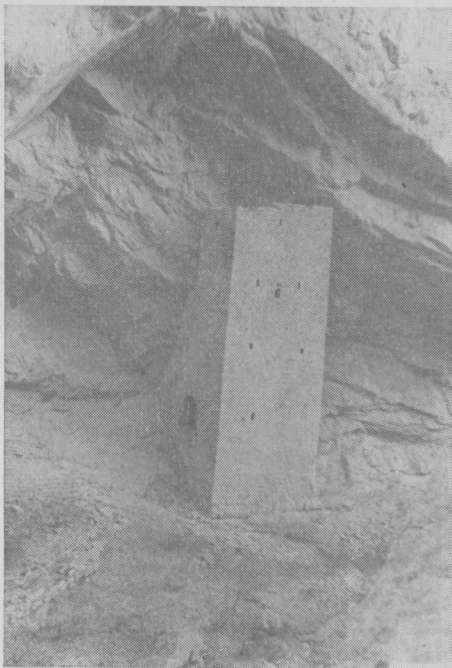


Рис. 4. Башня у сел. Ушкалой

С верхней площадки боевой башни и из бойниц в стенах можно было контролировать подступы к дверным проемам соседних башенных сооружений, в том числе и боевых башен, к чему, видимо, и стремились. Этот тактический прием мог иметь двоякую цель: держать под обстрелом входы в соседние башни было перспективно и в случае общего отражения внешней опасности, и при межфамильных столкновениях. Для большей безопасности у некоторых боевых башен (Коротх, Пялинг и др.) дверные проемы прикрыты помещениями второго этажа рядом пристроенной жилой башни, так что проникнуть в боевую башню можно было только через жилую.

Будучи ядром обороны поселения, боевые башни неплохо приспособлены для пребывания в них людей во время нападения. Шире всего были распространены боевые башни в пять этажей. Первый этаж в основном предназначался для содержания пленников и хранения припасов в особых каменных мешках-отсеках. Но нередко (сел. Гарак, Эрзи, Цори и др.) этот же этаж использовался для непосредственных боевых целей, поскольку в его стенах имелись бойницы. На втором этаже во время осады располагались хорошо вооруженные защитники, так как здесь был дверной проем. Тут же находилось и имущество осажденных. Третий этаж занимали защитники и их семьи (иногда для них использо-

²⁸ Безсонов С. В. Крепостные сооружения в бассейне Большой Лиахвы.— Изв. Южно-Осет. науч.-исслед. ин-та (далее ЮОНИИ), в. 1. Сталинири, 1933, с. 234; Гольдштейн А. Ф. Планировка и фортификация..., с. 36.

²⁹ Умаров С. Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья.— Археолого-этнографический сб., т. 3. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1969, с. 176.

³⁰ Баилов В. Н., Кобычев В. П. Галгай — страна башен.— Сов. этнография, 1971, № 1.



Рис. 5. Боевая башня с пирамидальным венчанием в сел. Гимрой

вался и четвертый этаж). На верхнем этаже располагались воины и наблюдатели³¹. Даже в мирное время наблюдатели постоянно дежурили на верхних площадках боевых башен.

У большинства боевых башен перекрытие над вторым этажом — каменное, в виде ложного свода стрельчатого очертания (рис. 8). Деталь эта давно привлекала внимание исследователей (И. П. Щерблякин, Л. П. Семенов, А. Ф. Гольдштейн, В. И. Марковин и др.), но до сих пор не получила удовлетворительного объяснения. В последних работах по зодчеству вайнахов каменным сводам над вторым этажом башен отказывается в практическом значении. Это, однако, по нашему мнению, не так. Подобное каменное межэтажное перекрытие, в отличие от деревянного, нельзя было поджечь, если осаждавшие врывались внутрь башни через пролом или подкоп на первом этаже, а защитники за-

пирались наверху. Когда же перекрытие было деревянное, то враг обычно его поджигал, разводя большой костер внутри башни, и принуждал капитулировать находившихся на верхних этажах постройки осажденных. И сейчас в горах существуют места, которые местными жителями именуются как «место, где сожгли башню» или «вершина, на которой сгорела башня» и т. д. В том случае, когда проникшим внутрь осаждающим не удавалось снизу вверх поджечь постройку, они либо измором заставляли осажденных сдаться, либо сваливали башню посредством выбивания угловых камней.

Внутри каждого этажа (довольно часто и первого) в стенах боевой башни имеются бойницы с 1—5 отверстиями, которые почти незаметны снаружи и направлены с уклоном вниз в разные стороны от боевой постройки³². Наши полевые наблюдения подтвердили мнение Е. И. Крупнова, что использовать подобные бойницы для лучного боя невозможно, так как из-за малых внутренних размеров (0,5×0,5 м) «в нишу не втиснется плечо лучника»³³. Известно ведь, что для стрельбы из лука необходимы специальные амбразуры, куда могли бы поместиться стрелки, стоящие на колене и согнувшиеся при стрельбе³⁴, как это можно наблюдать в некоторых башнях Дагестана, Северной Осетии и горной Грузии³⁵. Подобных амбразур в башенных постройках Чечено-Ингушетии пока

³¹ См.: Щерблякин И. П. Указ. раб., с. 277; Крупнов Е. И. Указ. раб., с. 71.

³² Ниличие в вайнахских башнях бойниц этих конструкций отвергает утверждение П. П. Закарая и А. Ф. Гольдштейна о том, что они совсем отсутствовали здесь. См.: Закарая П. П. Некоторые вопросы крепостных сооружений Шиди-Картли XVI—XVIII вв.—Вестник гос. Музея Грузии, т. XIX—А и XXI—В. Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1957, с. 230; Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 48—49.

³³ Крупнов Е. И. Указ. раб., с. 75.

³⁴ Выразительную и строго доказательную картину изменения боевых отверстий в европейских замках дал Б. Ратген. См. в кн.: Косточкин В. В. Русское оборонительное зодчество конца XIII — начала XVI веков. М.: Наука, 1967, с. 244.

³⁵ Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 44, рис. 31; Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968, с. 251; Закарая П. П. Указ. раб., с. 227, рис. 1 и сл.

не отмечено³⁶, так как здесь было принято вести стрельбу из луков с верхней боевой площадки³⁷. А появление в башнях вышеописанных бойниц с небольшими нишами, контролировавших подступы к укреплению со всех сторон или же зачастую направленных на наиболее опасный для нападения участок (и в количественном отношении их здесь больше) и державших под пристальным надзором дверные проемы и верхние боевые площадки близлежащих башен, безусловно, связано с распространением не позднее XVI в. ручного огнестрельного оружия³⁸, что отрицается А. И. Шавхелишвили и В. И. Марковым³⁹. И сами вайнахи называют эти бойницы—«отверстиями для ружей» (*товпан Гуьргуш*). Поэтому мы считаем, что время сооружения башен, где имеются бойницы подобных конструкций, не может быть ранее конца XVI—начала XVII в. В соседних же районах Грузии и Северной Осетии появление огнестрельного оружия оказало влияние на башенное строительство уже с начала XVI в.⁴⁰



Рис. 6. Боевая башня в поселке Ний

Наряду с бойницами в стенах башен часто фиксируются и специальные глухие ниши для хранения боеприпасов.

Боевые башни часто воздвигались так, чтобы подступы к ним были закрыты различными жилыми постройками. Штурмующим необходимо было пробиться сквозь лабиринт узких улочек и проходов между башнями, стенами, где зачастую вооруженным воинам невозможно разминуться. Именно узкие улочки в башенных поселках давали возможность защитникам быстро создавать завалы, препятствия против нападающего врага. Здесь несколько воинов могли сдерживать крупные наступающие силы противника.

В башенных поселках края нередко можно видеть распространение эшелонированной системы оборонительных сооружений на наиболее опасных участках. Оборона поселков была рассчитана в первую очередь на то, чтобы не допустить врагов во внутрь пространства, окруженного

³⁶ Возможно, что амбразуры, предназначенные для ведения лучного боя, были известны здесь ранее до распространения в крае огнестрельного оружия.

³⁷ См. подробнее: Гольдштейн А. Ф. Средневековье..., с. 48.

³⁸ См.: Крупнов Е. И. Указ. раб., с. 75; Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки..., с. 67. В начале XVII в. русские послы, направлявшиеся в Грузию через район Дарьяла, столкнулись с применением «у горских и туских (т. е. тушин.— Авт.) людей» пищаей и «вогненного боя». (См.: Полшевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 г. Тбилиси, 1937, с. 254; Кушева Е. Н. Указ. раб., с. 65.) В вайнахском фольклоре четко фиксируются сюжеты о появлении образцов огнестрельного оружия (ружей) в эпоху начала строительства боевых башен, которая сегодня определяется специалистами XV—XVI в. (см.: Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972, с. 370 и сл.).

³⁹ См.: Шавхелишвили А. И. Архитектурные памятники и исторические места, связанные с гражданской войной в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1966, с. 15; Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука, 1966, с. 108; *его же*. Памятники зодчества..., с. 261.

⁴⁰ См.: Закарая П. П. Крепостные сооружения Картли. Тбилиси: Мецниереба, 1968, с. 5; *его же*. Некоторые вопросы..., с. 227—234; Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М.: Наука, 1973, с. 18. В Осетии при постройке боевой башни «проем или квадрат верхнего этажа обычно измерялся размахом руки с шомполом с таким расчетом, чтобы человек при военных действиях мог свободно и беспрепятственно заряжать ружье и сражаться с противником» (см.: Кокиев Г. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. Изв. ЮОНИИ, в. 2. Сталинири, 1935, с. 219).

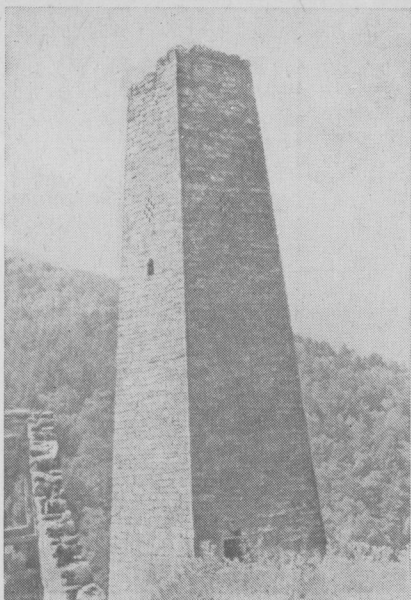


Рис. 7. Плоскостная боевая башня в сел. Евлой

оборонительными постройками. Так, например, вход в сел. Эрзи с менее защищенной северной стороны контролировался тремя боевыми башнями. В восточной же части села, где была вероятность нападения врага, располагалась высокая и длинная каменная заградительная стена⁴¹, к которой примыкали три боевые башни.

При нападении противника защитники селения отнюдь не все стремились сконцентрироваться только в боевой башне. Они оборонялись, используя фортификационную систему всей крепости, включавшую и жилые башни, и оборонительную стену и рельеф местности. Боевая башня — это преимущественно опорный пункт обороны⁴². Между башенными сооружениями устраивались перекидные деревянные мостки, по которым защитники могли совершать маневр, перебегая из одной башни в другую⁴³.

Продолжительность обороны зависела от того, насколько осажденные могли подготовиться к защите, распределить свои силы, запастись продовольствием и водой. Последнее условие — водоснабжение башен — играло весьма существенную роль в обеспечении успеха обороны.

Многочисленные башенные комплексы края, часто находящиеся на значительной высоте и отличающиеся друг от друга планировкой, обнаруживают характерную общность — возможно близкое расположение к источникам воды. Вопрос снабжения водой башен всегда остро стоял перед заказчиками и строителями. Вполне вероятно, что вначале решался вопрос о способе водоснабжения будущей постройки, а затем только приступали к ее строительству.

Многие башни воздвигнуты на высоких скальных крутых берегах горных рек. Воду обычно доставали ночью, бесшумно опуская в реку на длинной веревке тюк чистой овечьей шерсти. Шерсть впитывала в себя много воды, а в башне ее отжимали⁴⁴.

Легче и проще вопрос водоснабжения решался, когда на пригодной для строительства башен площадке находился источник. Тогда первопоселенцы старались построить башню (обычно жилую) таким образом, чтобы выбивающийся из расщелин скал родник находился внутри постройки. Затем, в нижней части постройки, в черте родника, сооружался овальный каменный отстойник-водохранилище, откуда вода по узкому тоннелю из камня или глины выходила под стенами башни в поселок. Такой источник был, например, в горном ингушском сел. Лежги, в нижних частях жилых башен некогда мощных замков фамилий Хутиевых и Курскиевых, а также в селах Шикарой, Коротх (Чечня). В эпических сказаниях о легендарном ингушском герое — воине Пхагал Бяри особо подчеркивается характерная особенность его башни — наличие внутри ее родника⁴⁵.

⁴¹ Вайнахи в описываемый период широко использовали для оборонительных целей каменные заградительные стены (Цой-Педе, Эрзи, Кезеной и др.). Посредством их закрывался доступ в ущелье, поселок и т. д. Этот вопрос заслуживает в дальнейшем специального изучения.

⁴² Она вмещала при необходимости 25—40 человек, а не 10—12, как это считает А. Ф. Гольдштейн (см.: Гольдштейн А. Ф. Планировка и фортификация..., с. 102).

⁴³ Щерблякин И. П. Указ. раб., с. 285.

⁴⁴ См.: Умаров С. П. О поселениях..., с. 162.

⁴⁵ См.: Далгат У. Б. Указ. раб., с. 323.

Обладая в изобилии запасами воды, владельцы этих, главным образом, замковых комплексов в многобашенных поселках приобретали большие преимущества в условиях межтайповой вражды и набегов внешних врагов. Во время осады их защитники имели возможность в отличие от других постоянно лить на головы штурмующих кипящую воду. Поэтому осада башенных комплексов с внутренними источниками воды была, при наличии достаточного гарнизона, весьма сложным делом.

Жители башенных сооружений, в которых были источники, заботливо за ними ухаживали, возводя различные каменные постройки (Пого, Эрзи, Хули, Гимрой и другие). Особым изяществом отличается подземная каменная постройка в районе водного источника в чеченском сел. Шарой, имевшая арочные своды, как у жилищ аварцев соседнего Дагестана. Владелец источника (обычно это был основатель поселения), порой брал с других жителей поселка определенную мзду за его использование. И сейчас еще некоторые источники в горах сохранили имена своих владельцев ⁴⁶.

У вайнахов в позднее средневековье была распространена и другая система водоснабжения — водопровод от источника на соседней более высокой горе. Вода шла по специально проложенным в толще земли (нередко скальной породы) каменным или глиняным желобкам. И ныне остатки водопроводов из керамических труб можно видеть в черте развалин башен в горных селениях Хамхи, Перой, Керисте, Гамха, Дёра, Кешта, Кенхи и других. Враг всеми средствами старался найти и перерезать линию водопровода, после чего осажденные были практически обречены. Например, в сел. Кокадой (горная Чечня) осаждавшие башни сумели взять в плен их защитников только перекрыв воду, поступающую к ним по подземным каменным желобкам ⁴⁷.

Когда же невозможно было воспользоваться ни одним из вышеперечисленных способов водоснабжения, или внезапно иссыхал источник, то вайнахи припасали воду в больших глиняных или медных сосудах, устанавливавшихся в нижней, прохладной части башни. Иногда использовались и специальные водохранилища. Так, на территории замка Дударовых близ сел. Харпе сохранилась оцементированная конусовидная яма для сбора воды, глубиной 1,7 м. Чаще так поступали в тех случаях, когда башенные постройки воздвигались на вершинах обособленных гор.

Почти все способы водоснабжения позднесредневековых башен, известные у вайнахов, можно наблюдать, судя по отрывочным данным, и у соседних осетин и горцев Грузии ⁴⁸.

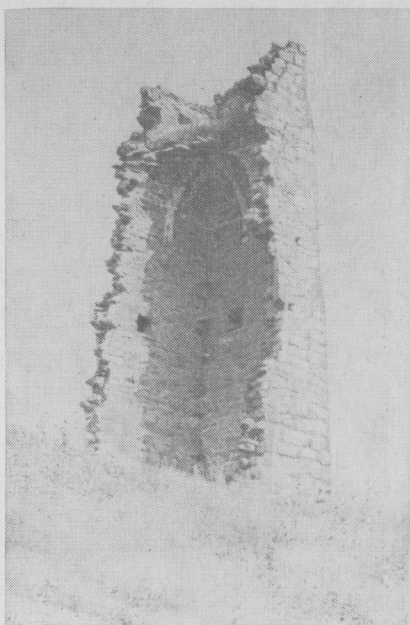


Рис. 8. Полуразрушенная боевая башня с каменным сводом и гуртами в поселке Кошк

⁴⁶ Например, «Кужига хьаст», т. е. «Кужига источник» в горной Ингушетии (см.: Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии, ч. 2. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1978, с. 39 и сл.).

⁴⁷ Марковин В. И. Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне. — Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та ист. матер. культуры. Л.: Изд-во АН СССР, 1962, № 90, с. 50.

⁴⁸ Закарая П. П. Некоторые вопросы..., с. 209—211; Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г. Формы жилища и структура поселения горной Осетии. — КЭС, т. 5, в. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Итоги нашего исследования, безусловно, не исчерпывают поставленной проблемы и не решают ее равно убедительно в различных аспектах. Однако трудно отрицать, что поднятая тема заслуживает пристального внимания специалистов.

С. С. Агаширинова

**ТРАДИЦИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА
У ЛЕЗГИН ДАГЕСТАНА (По материалам с. Кахуль)**

Дагестан широко известен своими самобытными и высокохудожественными народными промыслами, корни которых уходят в далекое прошлое — в эпоху неолита¹. Многие дагестанские промыслы успешно развиваются и в наши дни, а некоторые из них, например кубачинское ювелирное производство, славятся не только в СССР, но и далеко за его пределами. Судьба других народных промыслов сложилась иначе. Они почти утрачены, их традиции сохранились в памяти лишь отдельных лиц старшего поколения. Между тем народные промыслы — важный пласт культуры этноса, отражающий его художественные вкусы, представления и верования, особенности быта и т. п. Поэтому задача этнографической науки вовремя зафиксировать и изучить исчезающие промыслы. Не каждый из них, видимо, целесообразно развивать в современных условиях, но все они заслуживают детального исследования.

Настоящая статья посвящена своеобразному, архаичному по технике промыслу лепной керамики, бытовавшему до недавнего времени у лезгин с. Кахуль. Промысел этот был распространен и в рутульских селениях Шиназ, Лучек, Рутул. У рутульцев «лепка горшков, — писал Л. И. Лавров, — производилась всегда без помощи гончарного круга, а обжигались они на костре. Если к сказанному добавить, что весь процесс изготовления горшков выполняли исключительно женщины, то можно без натяжки сказать, что рутульцы до наших дней донесли неолитическую технику гончарного производства»². Аналогичное керамическое производство встречалось также в некоторых даргинских селах Дагестана³.

Кахуль — высокогорное селение Ахтынского района Дагестанской АССР, расположенное в зоне альпийских лугов, в ущелье Умаждер на склоне горы Гюне-даг. Судя по сохранившимся в Кахуле кувическим надписям, село это существовало еще в ранне средневековье⁴.

Кроме лезгин — уроженцев с. Кахуль, здесь жили лезгины, прибывшие в свое время из с. Ветихар (ныне Курахский район) и рутульского с. Лакунар. До переселения части кахульцев на равнину⁵ в селе было шесть тухумов⁶: Цурар, Махмудар (по преданию, их предки были грузинами), Мирзеяр, Абдияр, Тваквар, Мердалияр. Каждый тухум за-

¹ История Дагестана, т. I. М.: Наука, 1967, с. 38.

² См. Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем. — Кавказский этнографический сборник, III. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 131.

³ Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М.: Всесоюзное кооперативное изд-во, 1959, с. 22.

⁴ Арабские надписи почерком куфи известны на Кавказе до XIII в.

⁵ В 1964—1965 г. 45 хозяйств кахульцев переселились на равнину в с. Гильяр Магаракентского района Дагестанской АССР; 25 хозяйств — в Варташенский район и 20 хозяйств в города Кубу, Хачмас и Сумгант Азербайджанской ССР. Около 10 хозяйств кахульцев в настоящее время живут также в городах Дагестанской АССР (Махачкала, Дербент, Изберг), 5 хозяйств — в с. Зрых, которое расположено в 4 км от старого с. Кухаль.

⁶ Словом тухум в Дагестане обозначалась родственная или территориальная группа.